

«НУЖНО РИСКОВАТЬ ЖИЗНЬЮ»

Интервью Гётца Кубичека с Домиником Веннером

21 мая 2013 года французский историк Доминик Веннер застрелился в соборе Нотр-Дам в Париже, в знак протеста против внедрения гомосексуальных браков во Франции. Всего неделю назад журнал SEZESSION взял у ВЕННЕРА интервью, запланированное для публикации в августовском номере. Поводом была новая книга ВЕННЕРА: *Le Choc de l'Histoire* – («Шок истории»). В ходе беседы ВЕННЕР намекает, что наше время созрело для символических акций и личных жертв. Вопросы задавал Бенедикт Кайзер.

SEZESSION: *Le Choc de l'Histoire* рассматривает вопросы, которые Вы исследуете уже давно. Тогда для чего Ваша новая книга?

ВЕННЕР: Эта книга представляет собой синтез в динамичной форме бесед. Восприятие исторических переворотов уже давно находится в центре моих работ и рассматривается как историка. Оно охватывает отношения между религией и идентичностью, непрерывностью и ренессансом культур, которые интерпретируются как выражение идентичности народов на долгий срок. Так Европа в своей очень долгой истории нашла много ответов, исток которых крылся в стихотворениях Гомера, как выражение ее многотысячелетнего индоевропейского наследия.

SEZESSION: Почему Вы тогда выбрали заголовок «Шок истории» – и что он должен означать?

ВЕННЕР: Мы переживаем шок истории, не понимая это. Так это было всегда. Лишь позже можно определить масштаб перемен. Многие эпохи до нас познали шоки истории и сопротивлялись гигантским вызовам: войны с персами для античных греков, упадок римской республики до Августа. В течение веков «нового» и новейшего времени исторические шоки вызывали идейные изменения. Макиавелли – это, к примеру, результат смуты во Флоренции и Италии в конце пятнадцатого века, Монтень – это результат религиозных войн во Франции, Гоббс – первой английской революции, Мартин Хайдеггер – восприятия влияния техники, Карл Шмитт – немецкой катастрофы вследствие Версальского договора, Сэмюэл Хантингтон – нового мира после Холодной войны – причем Хантингтон смотрел на ситуацию как американец, не как европеец.

SEZESSION: Где здесь точное различие между американским и европейским углом зрения?

ВЕННЕР: Двадцатый век был для Соединенных Штатов эпохой непрерывного подъема в направлении преобладания и владения миром – включая культурное пространство. И тот же период – особенно после 1945 года – был для Европы эпохой падения, развала, подчинения и беспрецедентной деморализации.

SEZESSION: И насколько проявляет себя этот новый шок истории?

ВЕННЕР: С начала двадцать первого столетия мы вошли в новый исторический век, который освободит европейцев от последствий 1945 года. Из двух больших сил, которые в 1945 году поделили Европу в Ялте, одна уже исчезла; и ведь это никто раньше себе и представить не мог. Коммунизм (будущее мира!) взорвался изнутри, и новая Россия поднялась из его обломков. И эта национальная Россия будет континентальным партнером Европы по отношению к Соединенным Штатам. Что касается Соединенных Штатов, они должны теперь считаться с Китаем, Исламом, Южной Америкой и непостоянным миром. Герои вчерашнего дня завтра станут проклятыми...

SEZESSION: Если Вы говорите здесь о Европе как о партнере новой России, вряд ли Вы думаете при этом о структурах Европейского Союза в его современной форме.

ВЕННЕР: Я думаю совсем не о какой-либо нынешней политической структуре, но о нашем тысячелетнем культурном круге, о нашей идентичности, о нашей определенной «европейской» манере думать, чувствовать, жить, которая пережила время.

SEZESSION: Вы пишете, что большие культуры не представляют различные регионы на планете, а сами являются различными «планетами». Что Вы имеете в виду?

ВЕННЕР: Люди существуют только благодаря тому, что их различает: клан, племя, город, нация, культура, цивилизация. А не благодаря тому, что у них общее, чисто животное: сексуальность или потребность в питании. Их человеческое качество основывается на традициях и духовных ценностях, которые переживают время. Пусть, например, простая сексуальность как действие также универсальна, всемирна, как и питание, но любовь в каждой культуре различна; так же различна как изображение женственности, восприятия тела, гастрономии или музыки. Эти черты – это отражения определенной морфологии души, которая передавалась с помощью атавизма,

а также опыта. Известно, что влияние новой религии может изменить представления и поведение. Но традиция народа изменяет, трансформирует также и введенные, навязанные религии. В Японии буддизм получил некоторую воинственную форму, которой он не знает в Китае. Можно сказать, что у каждого народа есть его собственные боги, которые приходят сами по себе и продолжают существовать даже тогда, когда они уже кажутся забытыми.

SEZESSION: Вы пишете и говорите о «морфологии души, которая передавалась с помощью атавизма, а также опыта». В нашем контексте, все же, это ведь справедливо и для американцев с их европейским происхождением. Как Вы объясните тогда, что американцы, люди подлинно, врожденно европейского происхождения, порвали с европейской традицией, чтобы основывать новую традицию, которая противоположна их старым европейским?

ВЕННЕР: Я сослался бы тут на наблюдение австрийского геополитика барона Йордиса фон Лохаузена. Он пришел к выводу, что переселившиеся немцы где-нибудь в Европе, например, в России, остаются всегда немцами, даже несколько столетий после того, как они эмигрировали. С другой стороны, достаточно уже одного поколения, чтобы эмигрировавшие в США немцы прекратили чувствовать себя немцами и превратились вместо этого в американцев, таких же, как и все остальные. Это поднимает серьезный вопрос. Этот вопрос также охватывает, что не все зависит от «расы», как предполагалось когда-то. Тем не менее, прибывшие из Европы американцы сохранили «животное» качество своих истоков: энергию, боевое и предприимчивое вдохновение, изобретательность... Но их «представления» (их мировоззрение) изменились в результате их переселения в Новый Свет. Это результат библейской утопии «обетованной земли», мечты о новом мире вдали от Европы. Отцы-основатели были убеждены, что они должны воплотить новый «избранный народ», избранный для того, чтобы принести «дух капитализма» всему миру, если воспользоваться формулировкой Макса Вебера. Не будем забывать, что ежедневное принятие библии предписано в американских школах так же настоятельно как клятва звездно-полосатому флагу. Мессианское «послание» отцов-основателей стало таким же посланием, миссией и для большинства иммигрантов. И эта политическая религия подразумевала разрыв со всей аристократической и трагической европейской традицией.

SEZESSION: Это касается Европы и США. Но мир, без сомнения, включает куда больше культурных кругов.

ВЕННЕР: Да, и в другом месте вещи воспринимаются так, как не могут их себе представить ни американцы, ни европейцы. Чтобы понять этот факт, я включаю в мою книгу выводы из французского опыта. Например, тот пример Далиля Бубакёра, руководителя мечети Парижа. Ислам, объясняет он, – это «как религия, общность, закон, так и культура. [...] Мусульмане – не только те, которые практикуют пять несущих колонн ислама, а все, кто принадлежит к этой идентичной общности». Решающее слово здесь «идентичный». Ислам – это, следовательно, не только религия. Он выходит за рамки религии и является: «общностью, законом, культурой».

Если кто-то сформирован христианской культурой, универсальной и индивидуалистической, это поражает. Многие другие религии, среди прочих, как раз ислам или иудаизм, но также и индуизм, синтоизм или конфуцианство, как раз не только религии в христианском или мирском смысле слова, т.е. что-то вроде личного отношения с Богом, но они обучают идентичности, законам, общности и формируют их.

SEZESSION: Могло ли бы новое восприятие идентичности помочь европейцам снова найти себя, создать себя заново?

ВЕННЕР: Я более чем уверен, что оно может помочь европейцам найти их собственную подлинность – по ту сторону личной религии или ее отсутствия.

SEZESSION: Как Вы вообще определяете тогда собственную «подлинность»?

ВЕННЕР: Сначала как пробуждающую память идентичности. Память, которая способна нравственно вооружить европейцев, чтобы они могли сопротивляться своему исчезновению в бездне огромного всемирного смешения рас и глобализации. Так же, как другие снова осознают себя как сыновья Шивы, Мохаммеда, Авраама или Будды, нет ничего бессмысленного в том, чтобы осознать себя как сыновья и дочери Гомера, Одиссея и Пенелопы.

SEZESSION: В одной передовой статье журнала Nouvelle Revue d'Histoire Вы изменили знаменитую формулу «сначала политика», и подчеркнули, что сегодня следовало бы говорить: «Сначала мистика, а после нее политика». Что Вы хотели сказать читателю этим своеобразным лозунгом?

ВЕННЕР: Наш век больше не требует, «захватывать власть», как говорили раньше. В нем больше нет места для мечты о «дне поворота». Политика – это больше не та связь, которая придает смысл жизни. Несмотря на сильные стороны политической акции отнюдь не политика может вернуть европейцам понимание того, что они такое, и точно так же она не может

предложить ориентацию для их жизни. Это понимание может появиться только через сильное восприятие идентичности. Другими словами: никакая политическая акция высокого уровня немыслима без предварительного условия памяти об идентичности, которая способна была бы направлять такие акции. Но одних слов для этого недостаточно. Нужно смочь подтвердить слова действиями, нужно рисковать жизнью, и это должно доходить вплоть до готовности жертвовать жизнь, если это кажется необходимым.

21 мая 2013

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).